

В

ЕЛИКИЙ русский советский писатель, классик советской литературы, член ЦК КПСС, дважды Герой Социалистического Труда, член партии с 1932 года — когда

вступал в ее ряды, ему было 27 лет. Неизменный невец всех партийных съездов, начиная с XVIII (1939 год), где у него «из сердца выпелись» такие речи: «Думаю, что выражу наши общие мысли, когда скажу, что все мы, молодые большевики, вызванные к активной политической, художественной и культурной жизни волею Сталинского ЦК, гением товарища Сталина, навсегда, до последнего вздоха сохраним горячую сыновью преданность партии и вождем ее товарищу Сталину». Прославилось и его выступление на XXIII съезде, где он жалел, что слишком мягко обошлись с Синявским и Даниэлем, жалел, что сейчас, увы, не девятнадцатый год, когда бы смерть от казачьей шашки была расплатой этим оборотням!

ся в офицеры и оставшемуся среди кадровых офицеров белой вороной. Такой же белой вороной ощущал себя, думается, Шолохов и среди московских писателей при всей своей славе и могуществе...

Да, в «Тихом Доне» Шолохов пытается покривить душой — показать большевиков Штокманов и Бунчуков по возможности симпатичнее. Ничего не выходит — он просто рисует пустые, ходульные фигуры. И как бы то ни было, весь смысл, весь накал, вся трагедия «Тихого Дона» в одном — как «красный ураган» сносит дорожку Шолохову жизнь.

ШОЛОХОВ и прямо дает короткие, убийственные характеристики революционной власти: «А власть твоя — уж как хочешь — а поганая власть. Ты мне скажи прямо, и мы разговор кончим: чего она дает нам, казакам?.. Земли дает? Воли? Сравняет?.. Земли у нас — хоть заглотишь ею... Атаманов сами выбирали, а теперь сажают... Ты говоришь — равнять... Этим темный народ большевики и приманули. Посыпали хорошие слов, и пер человек, как рыба на приваду! А куда это равнение делось? Красную Армию возьми: вот шли через хутор. Взводный в хромовых сапогах, а «Ванек» в обмоточках. Комиссара видал? Весь в кожу залез, и штаны и туфля, а другому и на ботинки кожи не хватает. Да ить это год хмелной власти пошел, а укоренятся они — куда равенство денется?» Шолохов-то писал роман, когда «они» уже хорошо укоренились и он отлично знал, «куда равен-

ШОЛОХОВ

Феномен Шолохова вообще поражает. Читатель — кто с удовольствием, кто с негодованием — ждет от меня сенсационных разоблачений, архивных документов, может быть, цитат из дневников или личных писем... А нужны ли они? Ведь Шолохов кричал о своем подлинном отношении к власти во все горло. Кричал открыто, на весь мир. Но его не слышали. Правда, он и сам делал все, чтоб его не услышали. И много в том преуспел.

Вспомним, «Тихий Дон» начинается незадолго до войны 14-го года. С великой любовью и тщанием выписан старый казачий быт. Это ведь о себе говорил Шолохов: «Я до чертиков люблю Дон, весь этот старый, веками складывавшийся уклад казачьей жизни. Люблю казаков своих, казачек — все люблю! От запаха степного полынка мне хочется плакать...». Вот только это-то и любил Шолохов в жизни. И любовь дала ему силы беспощадно описать, как был уничтожен, сожжен, бессмысленно пущен на ветер «весь этот старый, веками складывавшийся уклад казачьей жизни». Один только запах степного полынка и остался...

А — казаки и казачки?

Вот она, родная Шолохову семья «турков» — Мелеховых. Отец — хромой Пантелей. Умер от тифа при отступлении Белой армии. Сын Петр — убит красными. Его жена Дарья — покончила с собой, заразившись сифилисом. Да, беспутная была бабенка, но если б не гражданская война, если б не рухнула вся жизнь... Мать, старуха Ильинична, умерла, не дожидаясь любимого сына. Дочь, Дуняшка, вышла замуж за убийцу брата.

Наконец, Григорий и Аксинья — убита красными, от которых они с Григорием скрывались. Григорий, очевидно, будет расстрелян в ГПУ. Шолохов расстается с ним до этого, но он не оставляет у читателя никаких неясностей относительно судьбы своего героя. Он пытался бороться с красными с оружием в руках — и пытался примириться с ними. Но он не смог их победить и не смог перейти в их ряды. И вот — итог. Красные торжествуют, на тихом Дону твердо установлена Советская власть. «Словно пробудившись от тяжкого сна, он поднял голову и увидел над собой черное небо и ослепительно сияющий черный диск солнца». А ведь это — рассвет новой власти на Дону! «Как выжженная палами степь, черна стала жизнь Григория. Он лишился всего, что было дорого его сердцу. Все отняла у него, все порушила безжалостная смерть». Да, смерть... Но Шолохов пишет социальный роман. Эта смерть — красного цвета.

Такова — спорить просто нелепо — объективная логика «Тихого Дона». Но, может, Шолохов не понял, что написал?

Нет, не думаю. Ему предлагали разные финалы — Григорий мог окончательно стать красным, мог даже погибнуть в бою с белыми. Но Шолохов до конца довел свой режиссерский замысел, любимой им казачьей жизни. Григорий, вся жизнь Тихого Дона погибают. И опять Шолохов по-настоящему честен. Он не щадит и белых. Сусальных «поручиков Голицыных и корнетов Оболенских» вы у него не найдете. Они ему чужие — как и Григорию Мелехову, трудовому казаку, выбившему-

И ВЛАСТЬ

ство денется». Но послушаем, какие же возражения находит на эту обвинительную речь Григория его оппонент-большевик: «Я словами не справен по причине темноты своей и малой грамотности. И я до многого дохожу ошупкой... Ты такие думки при себе держи. А то, хоть и знакомец ты мне, и Петро ваш кумоводится, а найду я против тебя средства!.. И ты попереки дороги нам не становись. Стоп-чем!..» Вот — весь ответ.

Нет, не просто роман по своей логике, независимой от автора, превращается в режиссерский, заговоренный гражданской войной, — нет, Шолохов и сам четко, ясно формулирует прямые обвинения. И дает на них, от имени большевика, один ответ: стоп-чем! Этот «ответ коммуниста» Шолохов затвердил в душе на всю жизнь...

Но как же власть все это проглатывала? Та самая, которой Шолохов предъявляет суровый счет? Да что там проглатывала! Академик, герой, депутат и лауреат — вот за такой-то роман! «Белую гвардию» Булгакова, где героев убивает все-таки Петлюра, а не большевики, вполне справедливо считали антикоммунистической вещью, а тут!..

Конечно, во многом это судьба. Но и не только. Шолохов был хитрый казак. Он остерегался. Вот, думаю, за это-то он пуще всего и ненавидел советский режим — за то, что должен гримировать свои вещи, «вертеться, как ужака под вилами». Сказав в «Тихом Доне» всю правду, он тут же всячески смягчал акценты. Обвинительные речи Григория — как раскаленные угли в глубине костра.

Но этого мало. Дальше у него была развилка. Или прямо калечить свое детище, или увести идеологических ищущих в сторону, обманывать их. Он выбрал последнее. И пошел «кидать петли».

«Тихий Дон» он публиковал с 1928 по

1940 год. Жуткие времена! Защищая своего детеныша, он где может — в речах, статьях, письмах — демонстрирует чудеса правдоверности. Вершиной его буффорского искусства, несомненно, стала «Поднятая целина». Ох и трудно же, должно быть, он поднимал ее — на обочине «Тихого Дона». Но это было надежнейшее прикрытие «Дона» — партийный роман про коллективизацию.

Шолохов так провел всех, что до сих пор «прогрессивные критики» искренне ругают «Целину», удивляются: как же мог создать автор «Тихого Дона»? Да он потому-то и «Дон» смог закончить, что вперед выставил фанерный щит, на котором написана «Поднятая целина». Но и в ней Шолохов не спускал систему, к которой вынужден был подлаживаться. И сейчас, когда мы без идеологических очков начинаем перечитывать «Целину», видим уже не то, что проходили в школе.

Вот и здесь, если разобраться, то же, что в «Тихом Доне». Но оболочка уже куда толще, а нутро довольно жидкое.

СВОИХ героев надо любить, говорил Булгаков. Любит ли Шолохов Давыдова и Нагульнова? Наверное, иначе не смог бы написать даже того, что написал. Но как же тогда понять такие слова: «...Вот и отпели донские соловьи дорогим моему сердцу Давыдову и Нагульнову...» Разве мог бы Шолохов сказать, разве выговорил бы: «Дорогой моему сердцу Григорий Мелехов»?!

Об этих героях уже сказано немало. И о татуированном матросе «без царя в голове», добром парне Давыдове, который, ни черта не понимая в сельском хозяйстве, легко берется командовать колхозом. И о несчастном контуженном Макаре, увы, очень смахивающем на унтера Пришибева (только в героическом варианте): он ведь мечтал даже петухов в станице выстроить согласно табели о рангах... Вот таких-то героев выписывает автор «Тихого Дона». Ущербные, полубесплотные и полубезумные бедолаги, искалеченные душой и телом на фронтах гражданской.

Может ли писатель любить власть за то, что вынужден лгать? Ибо нельзя было писать о коллективизации правду. А когда лжешь, то, стоя на горле собственной песни, только и остается кудхатать пощучариному. Едва ли не главный герой «Поднятой целины» — дед Щукарь. Где Шолохов уже задыхается от лжи, там он переводит дух, острая и ёрничая пощучариному. Потом опять можно что-то прописать всерьез. А потом опять порция «щучарева» передыха.

Наблюдая с ужасом, с содроганием сердца за окончательной гибелью родного тихого Дона (об этом мы можем судить документально, по его отчаянным письмам Сталину) — наблюдая все это, он ничего не мог поделать и... И сам, сам вступил в партию тех, кто уничтожал казачество!

Вспомним два эпизода романа.

Злодей, есаул Половцев готовит восстание казаков. Дело, кажется, ладится, но — выходит статья Сталина «Головокружение от успехов». И казаки отступают — «выходит так, что разлучает эта газетка нас с вами! Другая линия жизни нам, то есть хлеборобам, выходит... Сталин этих местных коммунистов, какие народ силком загоняли в колхоз и церква без спросу закрывали, кроет почем зря, с должносте смещает. И получается хлеборобу легкая дышания, чересседельня ему отпущена — хочешь, иди в колхоз, а хочешь, сиди в своей единоличности».

И вот реакция Половцева: «О том плачу, что не удалось наше дело... на этот раз... Обеднял Дон истинными казаками, разбогател сволочью: предателями и лиходеями... Переманивал их Сталин своей статьей. Вот кого бы я сейчас... вот бы кого я... — Глубоко, с хрипом вздохнув, он медленно разнял пальцы, улыбнулся одной стороной рта. — Ккка-ккой народ! Подлец!.. Дураки, Богом прокляты!.. Они не понимают того, что эта статья — гнусный обман, маневр! И они верят... как дети! О! Гнусь земляная! Их, дураков, большую политику ради водят, как сомка на удочке, подруги им отпускают, чтобы до смерти не задуть, а они все это за чистую монету принимают... Ну, да ладно! Поймут и пожалеют, да поздно будет».

Но ведь Шолохов-то, когда писал это в 1932 году, не мог не знать, что его Половцев говорит святую правду. От буквы до буквы! «Гнусь земляную» обманули, потом опять загнали в колхозы. Статья была «гнусным обманом, маневром». Что же это? А это — страшная усмешка «одной стороной рта» — усмешка новоиспеченного большевика Шолохова! Расположенная ненавистью усмешка — и в адрес «гения т. Сталина», которому он клянется до последнего вздоха сохранить «горячую

сыновью преданность» («Вот бы кого я сейчас... вот бы кого я...»), и в адрес «вольных хлеборобов», и в свой собственный, и в адрес всей этой власти, этой партии, этой жизни, будь она проклята!

Я ПРЕУВЕЛИЧИВАЮ? В чем же? Где лжет Половцев? В чем? Или Шолохов не знает, что такое колхозы, что такое раскулачивание? Или ему казаков не жаль, тихого Дона, последних остатков не жаль? Или его симпатии на стороне наркомата земледелия и райкома партии?!

Второй эпизод. Макаре Нагульнов требует, чтобы казаки ссыпали хлеб в общий, государственный амбар. Зачем это надо — он и вопроса себе не задает. Партия сказала — значит надо! Да у него, кстати, и хлеба-то своего отродясь не было... А казаки сопротивляются. Знаменитая сцена с Банником. Банник выписан почти так же угольно-черно, как сам Половцев. Но вот его разговор с Нагульновым:

«— Хлеба я вам не дам.

— Это почему же, дозволь спросить? — Потому, что у меня он сохранней будет. А вам отдай его, а к весне и порожних мешков не получишь...

— Как же ты можешь сомневаться в Советской власти? Не веришь, значит?!

— Ну да, не верю!.. Соберете хлебец, а потом его на пароходы да в чужие земли? Антанабилы покупать, чтоб партийные со своими стриженными бабами катались? Зна-а-а-а, на что нашу пшеничку гатител! Дожили до равенства!

— Да ты одурел, черткая! Ты что это балабонишь?

— Небось одуреешь, коли тебя за глотку возьмут! Сто шестнадцать пудиков по хлебозаготовке вывез! Да зараз последний, семенной хотите... чтоб детей моих... оголодить...

— Цыц! Брешешь, гад!.. Ты это... чьи речи? Ты это чего, контра, мне тут?.. Над социализмом смеялся, гад!.. А зараз...

— Зараз приду и высыплю свиньям этот хлеб! Лучше они нехай потрескают, чем вам, чужедам!..

— Свиньям? Семенной?!

Нагульнов в два прыжка очутился возле двери, выхватив из кармана наган, ударил Банника колом в висок. Ну, этот метод спора уже Григорию Мелехову демонстрировали столчем!

Ведь в этом разговоре, и Шолохов же не мог этого не знать, все — правда! Ведь Банник же говорит святую правду! Ведь на Украине в 33-м году все точно так и было — и семенной отобрал, и обманули, и голодом уморили миллионы таких банников! Собрали хлебец — и на пароходы, в чужие края, машины покупать! Ну пусть не лично Сталин и Калинин «со своими стриженными бабами» катались на тех машинах — на станках не покатаешься, — ну а тем, кто подыхал с голоду, сперва увидев, как умерли его дети, им не все равно? Да, уж тут осталась одна форма протеста — свиньям высыплю, чтобы не вам, чужедам!

Так на чей же стороне может тут быть Шолохов?

Но Шолохов при этом так мажет дегтем Половцева, Банника и их с ними, так размаливает колхозы, объясняется в любви Нагульнову и Давыдову, так уморительно острит пощучариному, что идеологические овчарки ничего не унохали...

ШОЛОХОВ выиграл. Он утвердил свою репутацию истинно советского писателя. Пройдя через бурные пороги 37-го года, когда его едва не взяли (но, разумеется, не за его романы, а так — в порядке общей очереди), он поплыл по необъятной реке успеха. Он обманул власть.

Но он дорого заплатил за этот обман. За ложь, которую сознательно упустил в свои книги, за ложь, которую изрекал с трибуны — в лицо тем, кто осыпал его аплодисментами, орденами, деньгами. Заплатил самой высокой ценой, какой может платить писатель, — творческим бесплодием. Из последних сил доведя до конца «Тихий Дон», он пал. Спасая себя, он себя уничтожил. Это — хрестоматийный пример. Что пользы человеку, если он обретет весь мир — а душу свою потеряет?

«Родная партия! У тебя могучий и светлый коллективный разум и материнские руки, умеющие быть и суровыми и нежными. Ты найдешь необходимую форму помощи своим писателям, и, когда они, открытые твоим вниманием и лаской, создадут новые, достойные тебя, партия, и Родины произведения, благодарный советский и зарубежный читатель в первую очередь тебе скажет свое сердечное спасибо!» (Из выступления на XX съезде КПСС).

«Маневр» не вел нигде! Писать правду — даже в стол — он уже не смог. Он безнадежно проиграл себя, сев играть с Дьяволом. И «гнусный обман» — «это было все, что осталось у него в жизни, что пока еще родило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром».

Леонид РАДЗИХОВСКИЙ.